МРНТИ 21.41.63 | Научная статья

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Н.Л. Сейтахметова[1], Д.А. Есенбаева[2]

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические и методологические вопросы археологического изучения религиозной культуры и религиозного сознания. В частности, разнраничиваются два значения понятия «археология». Первое связано с изучением материальных памятников и следов человеческой деятельности, сохранившихся с прошлых эпох. Второе представляет собой археологию знания Мишеля Фуко, направленную на анализ исторических условий и правил формирования различных дискурсов. В работе рассматриваются классические теории Э.Б. Тайлора, Дж. Фрэзера и Э.Дюркгейма, основные направления когнитивной археологии, исследования Д.Льюис-Уильямса, а также концепции М. Элиаде и М. Фуко. В качестве примеров материальных проявлений религиозной культуры анализируются погребальные комплексы, мемориальные сооружения, сакральные ландшафты и кладбища раннеисламского периода на территории Казахстана. Обосновывается положение о том, что археологические данные позволяют выявить материальные свидетельство религиозных практик прошлого и реконструировать вероятные ритуальные действия, однако не обеспечивают прямого доступа к индивидуальным религиозным убеждениям человека. В связи с этим предлагается комплексный методологический подход, предусматривающий разграничение установленных археологических фактов, научной реконструкции и исследовательских гипотез. Данный подход предполагает сочетание археологических методов исследования.

Ключевые слова: археология знания, религиозная культура, религиозное сознание, когнитивная археология, ритуал, сакральное пространство, Казахстан, религиозная идентичность.

[1] Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан

[2] Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
Д. Есенбаева,
dilfuza_94_24@mail.ru

Цитирование:
Сейтахметова Н.Л., Есенбаева Д.А. О теоретических и методологических проблемах исследования археологии религиозной культуры и религиозного сознания // Адам әлемі. – 2026. – Т. 28. – №4(110). – С. 236-246. – DOI: 10.48010/0ykx6t82

Открытый доступ
© Автор(ы), 2026
Это статья открытого доступа, распространяемая в соответствии с условиями международной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Поступила: 05/09/2026
Принята: 20/10/2026
Опубликована онлайн: 30/10/2026

Діни мәдениет пен діни сана археологиясын зерттеудің теориялық және әдіснамалық мәселелері

Аңдатпа. Бұл мақалада діни мәдениет пен діни сананы археологиялық тұрғыдан зерттеудің теориялық және әдіснамалық мәселелері қарастырылады. Зерттеу барысында «археология» ұғымының екі негізгі мағынасы ажыратылады. Біріншісі өткен дәуірлерден сақталған материалдық ескерткіштер мен адам әрекетінің іздерін зерттеуге бағытталса, екіншісі Мишель Фуконың білім археологиясы тұжырымдамасы негізінде тарихи дискурстардың қалыптасу жағдайлары мен ережелерін талдауды қамтиды. Еңбекте Э. Б. Тайлор, Дж. Фрэзер және Э. Дюркеймнің классикалық теориялары, когнитивті археологияның негізгі бағыттары, Д.Льюис-Уильямстың зерттеулері, сондай-ақ М.Элиаде мен М.Фуконың тұжырымдамалары талданады. Діни мәдениеттің материалдық көріністері ретінде жерлеу кешендері, мемориалдық құрылыстар, сакралды ландшафттар және Қазақстан аумағындағы ерте ислам кезеңіне жататын зираттар қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – археологиялық деректердің діни тәжірибелерді зерттеудегі мүмкіндіктері мен шектеулерін анықтау. Археологиялық материалдар өткен қоғамдардың діни рәсімдері мен ғұрыптық әрекеттерін реконструкциялауға мүмкіндік бергенімен, адамның жеке діни сенімдерін тікелей анықтай алмайтыны негізделеді. Осыған байланысты археологиялық фактілерді, ғылыми реконструкцияларды және зерттеушілік гипотезаларды ажыратуға негізделген кешенді әдіснамалық тәсіл ұсынылады. Зерттеу археологиялық, тарихи, кеңістіктік, антропологиялық және дінтанулық әдістерді ұштастырудың маңыздылығын көрсетеді. Бұл тәсіл діни мәдениеттің тарихи дамуын, материалдық көріністерін және әлеуметтік маңызын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: білім археологиясы, діни мәдениет, діни сана, когнетивтік археология, ғұрып, сакралды кеңістік, Қазақстан, діни бірегейлік.

On the Theoretical and Methodological Problems of Studying the Archaeology of Religious Culture and Religious Consciousness

Abstract. This article examines theoretical and methodological issues related to the archaeological study of religious culture and religious consciousness. In particular, it distinguishes between two meanings of the concept of "archaeology". The first refers to the study of material remains and traces of human activity preserved from past historical periods. The second concerns Michel Foucault's concept of the archaeology of knowledge, which focuses on analyzing the historical conditions and rules governing the formation of various discourses. The article discusses the classical theories of E.B. Tylor, J.Frazer, and E.Durkheim, the main approaches to cognitive archaeology, the research of D. Lewis-Williams, as well as the concepts of M. Eliade and M. Foucault. As examples of the material manifestations of religious culture, the article analyzes burial complexes, memorial structures, sacred landscapes, and cemeteries dating to the early Islamic period in Kazakhstan. It argues that archaeological evidence makes it possible to identify material traces of past religious practices and reconstruct probable ritual activities; however, it does not provide direct access to individuals' personal religious beliefs. In this regard, the article proposes an integrated methodological approach that distinguishes established archaeological facts from scholarly reconstructions and research hypotheses. This approach involves combining archaeological methods with other relevant research methods to develop a more comprehensive understanding of the material manifestations of religious culture and the religious practices of past societies.

Keywords: Archaeology of Knowledge, Religious Culture, Religious Consciousness, Cognitive Archaeology, Ritual, Sacred Space, Kazakhstan, Religious Identity.

Введение

Религиозные представления и практики прошлого отражены в археологических материалах: погребениях, ритуальных объектах, мемориальных сооружениях, изображениях, предметах особого назначения, следах жертвоприношений и организаций пространства. Эти свидетельства помогают изучать мировоззрение древних и средневековых обществ, их отношение к смерти, предкам и природой среде. Однако материальный объект сам по себе не раскрывает убеждений человека, который его создал или использовал. Для интерпретации его духовного и символического значения необходимы дополнительные аргументы.

Поэтому «археологию религиозного сознания» следует понимать не как непосредственное выявление верований посредством раскопок, а как реконструкцию исторических представлений и способов осмысления мира на основе материальных остатков, повторяющихся действий, организации пространства и коллективной памяти. При этом важно различать установленные факты, вероятные реконструкции и гипотезы, а также учитывать альтернативные объяснения.

В статье понятия «археология» рассматривается в двух значениях. Первое относится к научному изучению материального наследия прошлых обществ. Второе связано с археологией знания Мишеля Фуко, исследующий исторические условия формирования типов знания, понятий и дискурсов [1]. Эти подходы дополняют друг друга, но не взаимозаменяемы: описание памятника не раскрывает автоматический историю понятий соответствующей эпохи, а археология знания не заменяет анализа материальных объектов.

Цель исследования – определить теоретические основания и методологические принципы археологического изучения религиозной культуры и сознания, включая возможности реконструкции ритуалов и анализа материалов с территории Казахстана. Основной тезис заключается в том, что религиозное сознание доступно археологии лишь опосредованно: сначала устанавливаются материальные признаки и их контекст, затем реконструируются вероятные действия и только после этого рассматривается их возможное символическое значение. Религиозная культура при этом понимается как исторически изменяющаяся система практик, предметов, символов и социальных отношений.

Классические теории религии помогают формулировать исследовательские вопросы, но не должны применяться как универсальные схема объяснения археологических данных. Э.Б. Тайлор связывал ранние формы религии с анимизмом – представлениями о душе и духах, возникавшими, в частности, при попытках объяснить смерть и сновидения [2]. Его теория важна для изучения происхождения религиозных представлений, однако эволюционная модель Тайлора может создавать впечатление единой последовательности развития всех культур. Поэтому ее следует использовать с учетом исторического своеобразия конкретных обществ. Дж. Фрэзер исследовал взаимосвязь магии, религии и науки и роль

ритуальных действий в отношениях человека с природой и непонятными ему явлениями [3, 4]. При этом предложенную им последовательность перехода от магии к религии, а затем к науке нельзя считать универсальным законом: религиозные практики складывались различными путями в зависимости от культурных и исторических условий. Э. Дюркгейм рассматривал религию как социальный феномен, поддерживающий коллективную жизнь, и подчеркивал различие сакрального и профанного [5]. Этот подход помогает объяснить, как совместные обряды могли укреплять связи между членами сообщества и поддерживать групповую идентичность. Однако общественные функции религии не исчерпывают индивидуального опыта, а участие в одном обряде не означает полного совпадения убеждений его участников. Таким образом, Тайлор акцентировал происхождение верований, Фрэзер – сравнительное изучение магии и ритуала, а Дюркгейм – социальные функции религии.

Когнитивная археология изучает, какие выводы о мышлении людей прошлого можно обосновать материальными данными. К. Ренфрю и Э.Зубров способствовали развитию подхода, объединяющего археологию, когнитивные науки и изучение символических систем [6]. Т. Уинн и Ф. Кулидж обращают внимание на изготовление предметов, последовательность действий, организацию пространства и функции объектов как возможные свидетельства когнитивных способностей человека. [7]. А. Карри и А. Киллин подчеркивают, что переход от наблюдаемого предмета к выводу о мышлении требует теоретического обоснования связи между материальными признаками и предполагаемыми когнитивными процессами; сами предположения исследователя также жолжны критически проверяться [8]. Д. Льюис-Уильямс исследовал связь наскального искусства с человеческим восприятием и религиозным опытом, в том числе используя нейропсихологические модели и представления об измененных состояниях сознания [9, 10]. Такой подход расширяет круг вопросов о происхождении и использовании древних изображений. Тем не менее сходство мотивов или сенсорных переживаний не доказывает тождества религиозных представлений разных обществ. Необходимы анализ конкретного археологического контекста и независимые подтверждения. Когнитивная археология не предполагает, что мысли человека можно непосредственно «прочитать» по предметам. Исследователь описывает признаки памятника, рассматривает действия, которые могли их породить, и оценивает необходимые для этих действий когнитивные процессы. На каждом этапе проверять альтернативные интерпретации и не представлять вероятные объяснения как установленные факты.

М. Элиаде уделял внимание различию сакрального и повседневного пространства. Его понятия иерофании, сакрального пространства, центра мира и священного времени помогают анализировать, каким образом места и события могли приобретать религиозное значение [11]. Эти идеи применимы к исследованию ритуальных объектов и ландшафтов, но требуют осторожности. Необычная форма или центральное расположение сооружения сами по себе не доказывают, что оно воспринималось как «центр мира», а ориентация памятника не подтверждает автоматически его связь с мифологическими представлениями. Такие выводы нуждаются в археологических, исторических и иных независимых свидетельствах.

Археология знания М. Фуко сосредоточена на правилах и исторических условиях, определяющих формирование понятий и признание определенных утверждений в качестве знания [1]. Анализ употребления понятий «традиция», «народная религиозность», «язычество» и «сакральное наследие» в научных, государственных и религиозных текстах позволяет проследить, как менялись представления о соответствующих явлениях. Однако этот подход не устанавливает напрямую убеждения конкретного человека, погребенного в археологическом захоронении. Для таких выводов необходимо сопоставлять погребальный обряд, предметы и исторические источники. Исследования материальной религии показывают, что предметы и места не только отражают религиозные идеи, но и могут участвовать в форматировании религиозных значений. Т. Инсолл рассматривает материальные объекты как активные элементы религиозной практики и социальных отношений [12]. Л. Фогелин предлагает изучать ритуал через конкретные действия

человека и его социальные связи, учитывая способы выполнения обряда, роли участников и организацию пространства [13]. В совокупности эти подходы позволяют анализировать религиозную культуру на нескольких уровнях: сакральное пространство, исторические условия формирования знания, материальные объекты и ритуальные действия.

Археологические исследования Казахстана позволяют изучать погребальные традиции, жертвоприношения, мемориальные комплексы, сакральные ландшафты и распространение ислама. Ж. Бендесу-Сармьенто анализирует погребальные традиции андроновских и сакских групп на основе археологических и антропологических данных [14, 15]. А. Отрам и его коллеги исследуют пищу, использовавшуюся в погребальных обрядах бронзового века, и ритуальную роль животных [16], а С. Лепец рассматривает особенности отбора и захоронения лошадей в кургане Берел [17]. Эти работы помогают реконструировать последовательность погребальных действий, однако их конкретное значение следует устанавливать с учетом контекста каждого памятника.

Исследования сакральных ландшафтов Тамгалы и Ешкиольмеса рассматривают связь расположения петроглифов, организации пространства и возможных ритуалов [18]. Интерпретации изображений и предполагаемых обрядов остаются гипотезами, погребальные сооружения и мавзолеи более позднего времени [19]. Это свидетельствует об использовании ландшафта в разные эпохи, но само по себе не доказывает непрерывности религиозных практик. З. Самашев исследует погребальные и поминальные обряды ранних саков, включая захоронения лошадей, овец и других животных, и отмечает региональные различия [20]. Е. Кукушкин интерпретируют комплекс Кетабан как тюркский кенотаф, опираясь на архитектуру, два захоронения лошадей и сопутствующие предметы [21]. Отсутствие человеческих останков означает, что эта интерпретация основывается на совокупности признаков, а не на одном свидетельстве. А. Жунисханов, А. Курмангалиев и О. Мысыр рассматривают памятники Кокентау раннесакского и древнетюркского времени и возможные изменения мемориальных сооружений [22]. А. Нуржанов и Г. Терновая изучают преобразования городской архитектуры Юго-Западного Жетысу на ранних этапах распространения ислама [23]. Материалы раннеисламского кладбища Ташбулак указывают, что устойчивые погребальные нормы могли отражать общие практики сообщества, но не позволяют точно определить личные религиозные убеждения каждого погребенного [24].

Археологические материалы Казахстана представляют значительные возможности для исследования религиозной культуры, однако переход от материальных свидетельств к выводам о религиозном сознании остается методологически сложным. Классические теории религии, когнитивная археология, концепции сакрального пространства, археология знания и исследования материальной религии позволяют рассматривать разные стороны этого вопроса, но ни один из подходов не дает оснований для автоматического отождествления предмета с определенным верованием. Поэтому комплексное исследование должно сочетать археологические, исторические, антропологические, пространственные и религиоведческие методы. Необходимо последовательно различать описание материальных признаков, реконструкция вероятных действий и интерпретацию их возможного символического значения. Такой подход позволяет учитывать ограничения источников, проверять альтернативные объяснения и формулировать выводы, соразмерные имеющимся доказательствам.

Методология

Исследование археологии религиозной культуры м религиозного сознания Казасхтана опирается на сочетание историко-реконструктивного, сравнительного, феноменологического, дискурсивного и междисциплинарного подходов. Их совместное применение позволяет последовательно переходить от описания материальных свидетельств к осторожным выводам о возможных действиях, ритуальных практиках и символических значениях, не отождествляя интерпретацию с установленным фактом.

Историко-реконструктивный метод предполагает изучение археологического контекста памятника: его датировки, стратиграфии, сохранности, пространственного расположения и состава находок. На этой основе

рассматривается возможная последовательность действий, которая могла привести к появлению обнаруженных следов. Сравнительный метод позволяет сопоставлять археологические материалы с письменными источниками, этнографическими параллелями и данными исследований других культур. При этом такие параллели используются как средство постановки вопросов, а не как самостоятельное доказательство происхождения конкретного обряда.

Феноменологический подход направлен на организации пространства, доступности отдельных участков памятника, ориентаций, видимости изображений, границ и возможных маршрутов движения. Он помогает сформулировать гипотезы о том, как пространство могло восприниматься и использоваться, однако не позволяет автоматически переносить впечатления современного исследователя на людей прошлого. Археология знания М. Фуко применяется для анализа исторического формирования научных понятий и способов классификации памятников, но не рассматривается как метод прямого восстановления доисторического религиозного сознания.

Междисциплинарный подход объединяет археологические, хронологические, археозоологические, антропологические, пространственные и исторические данные. Результаты разных исследований сопоставляются для проверки обоснованности выводов. Практико-ориентированный подход, в свою очередь, позволяет изучать не только предполагаемую символику предметов, но и их изготовление, использование, перемещение и размещение в комплексе. В ходе анализа различаются три уровня утверждений: установленный факт, вероятная реконструкция и интерпретационная гипотеза. Такое разграничение помогает обозначать степень достоверности выводов и избегать чрезмерных обобщений.

Таблица 1 – Уровни научных утверждений при анализе археологических данных

Уровень	Что утверждается	Пример формулировки
Установленный факт	Непосредственно наблюдаемый признак или надёжно датированный контекст	В комплексе обнаружены конские захоронения, каменные конструкции и железные предметы.
Вероятная реконструкция	Объяснение, поддержанное несколькими согласующимися признаками	Пространственная организация, вероятно, связана с мемориальной практикой.
Интерпретационная гипотеза	Предположение о символическом или религиозном значении, допускающее альтернативы	Комплекс мог представлять умершего без помещения человеческого тела.

Основная часть

От материального свидетельства к исторической реконструкции

Наиболлее обоснованный способ исследования религиозного сознания заключается в последоваетльном переходе от материальных данных к их интерпретации. Сначала описываются найденные предметы и сооружения, устанавливаются их датировка, состояние сохранности и взаимное расположение. Затем рассамтривается, какие действия могли привести к появлению обнаруженных следов. На следующем этапе исследуются возможные ритуальные, символические и социальные связи. Только после этого можно обсуждать, какие выводы полученные данные позволяют сделать о религиозном сознании и идентичности людей прошлого.

Последовательность исследования можно представить так: материальный контекст и вещественные свидетельства – вероятные действия – ритуальные отношения – символические интерпретации – гипотезы о религиозном сознании и идентичности. Каждай переход требует самостоятельного обоснования. Например, повторение определенных погребальных норм может указывать на общие ритуальные представления членов сообщества, но само по себе не доказывает, что все участники придерживались одинаковых личных убеждений.

Тюркский кенотаф, обраруженный в Центральном Казахстане, показывает важность такого разграничения. В комплексе выявлены два захоронения лошадей, архитектурная конструкция, предметы вооружения и элементы конской упряжи, тогда как человеческие останки отсутствовали. Поэтому отпределение памятника как кенотафа сле-

дует рассматривать не как непосредственно установленный факт человеческого захоронения, а как научную интерпретацию совокупности археологических признаков [22].

Сходная осторожность необходима при анализе погребальных обрядов раннесакского периода. З. Самашев рассматривает случаи совместного обнаружения останков лошадей, овец, в иногда собак, сопоставляя археологические материалы с письменными источниками и результатами сравнительных исследований [20]. Такое сопоставление позволяет обсуждать возможные объяснения ритуальных практик, но не доказывает, что конкретный обряд непосредственно возник под влиянием определенной письменной традиции. Этнографические параллели следует использовать как дополнительный материал для формулирования исследовательских вопросов.

Материальная религия, ритуальные практики и сокральное пространство

Концепция материальной религии позволяет не противопоставлять духовный мир материальной культуре. Ритуальные действия могут не только выражать уже существующие представления, но и участвовать в их формировании. Предметы, пространство и телесные действия влияют на создание и поддержание социального и религиозного порядка [12]. Поэтому археологу важно выяснять не только то, что мог символизировать предмет, но и то, как его использовали, кто имел к нему доступ, где он находился и с какими общественными отношениями был связан.

Практико-ориентированный подход предполагает изучение полного процесса существования вещи: ее изготовления, использования, перемещения, размещения в археологическом комплексе и последующих изменений. Ритуал в таком случае рассматривается как последовательность действий, значение который анализируется с учетом предметов, человеческого тела, пространства и общественных отношений [13, 12]. Это позволяет перейти от изолированного толкования символов к исследованию материальных практик, в которых религиозные смыслы могли воспроизводиться и изменяться.

Архелологические материалы Казахстана демонстрируют разнообразие таких практик. Захоронение лошадей в сакских комплексах, пищевые остатки в погребениях и определенное расположение костей животных позволяют изучать ритуальные действия и социальное значение погребальных обрядов [16, 17, 20]. Каменные ограды и кенотафы тюркского времени дают возможность исследовать мемориальные традиции и способы символического обозначения и исламские погребальные нормы позволяют рассматривать распространение исламских традиций и их закрепление в общественной жизни [23, 24].

Феноменологический подход позволяет рассматривать археологический памятник не только как материальный объект, но и как пространство, в котором могли происходить человеческие действия, формироваться восприятие окружающей среды и сохраняться историческая память. В таком анализе учитываются пути подхода к памятнику, доступность его центральной части, видимость изображений, границы пространства, ориентация сооружений, повторное использование территории и взаимосвязь природных объектов с сооружениями, созданными человеком.

Концепция М. Элиаде помогают сформулировать вопросы о том, отличалось ли определенное место от пространства повседневной жизни, существовали ли в нем центр, граница или специальный ритуальный вход и могли ли повторяющиеся действия связываться с представлением об особом времени [11]. Однако форма и расположение сооружения сами по себе не доказывают, что люди соответствующего периода воспринимали его как «центр мира» или место иерофании. Для таких интерпретаций необходимы местные археологические данные, свидетельства повторяемости действий и анализ изменений комплекса в разные исторические периоды.

При феноменологической реконструкции важно не отождествлять впечатления современного исследователя с опытом людей прошлого. Объект, который сегодня кажется необычным или вызывает сильные эмоции, не обязательно имел такое же значение для древнего общества. Наблюдение за пространством может стать основой гипотезы, но ее необходимо проверять с помощью археологических, хронологических и сравнительных данных.

Методологические подходы и междисциплинарный анализ археологических памятников Казахстана

Метод археологии знания Мишеля Фуко применим к изучению истории представлений о религии. С его помощью можно анализировать, как научные и институциональные дискурсы формировали понятия «древняя религия», «культ предков», «исламизация», «народная религиозность» и «сакральный объект» [1]. Важно исследовать не только значение этих понятий, но и условия, при которых определенный памятники начинают рассматриваться как объекты религиозного, национального или культурного значения. Такой подход требует критического отношения к собственным взглядам исследователя. Современные представления о религии не всегда соответствуют условиям жизни и мировоззрению людей прошлого. Следует учитывать, каким образом археологическая классификация становится основанием для исторических выводов, кто определяет название памятника и в каких научных или институциональных условиях это происходит. Подход Фуко помогает проследить историю научных понятий и изменение способов описания объектов, однако он не заменяет изучение материального контекста памятника.

Сравнительные теории также требуют критического применения. Эволюционные концепции Э. Б. Тайлора и Дж. Фрэзера целесообразно рассматривать прежде всего как часть истории сравнительного религиоведения, а не как доказательство единой последовательности развития всех религий. Подход Э. Дюркгейма помогает осмыслить коллективный характер религиозных практик, тогда как когнитивная археология подчеркивает необходимость обосновывать каждый переход от материального свидетельства к гипотезе о мышлении человека [2, 3, 5, 8].

Концепции М. Элиаде и М. Фуко раскрывают разные стороны религиозной культуры: первая помогает исследовать восприятие сакрального пространства, вторая – исторические условия формирования знания и научных представлений. Несмотря на возможность совместного использования этих подходов, их не следует объединять в одну универсальную теорию, поскольку они решают разные исследовательские задачи [11, 1].

Междисциплинарный подход предполагает не простое перечисление методов разных наук, а сопоставление их результатов для проверки выводов. Археологический контекст помогает установить расположение находок и их взаимосвязь; радиоуглеродное датирование уточняет возраст памятников; археозоологические исследования определяют виды и возраст животных и особенности обращения с ними; антропологический анализ применяется при изучении человеческих останков. Пространственные методы позволяют оценить взаимное расположение объектов, их видимость и возможные маршруты движения. Письменные и этнографические материалы используются для сравнения с учетом временных и культурных различий.

Исследование памятника Ташбулак показывает возможности такого подхода. Результаты геофизических исследований, археологических раскопок, радиоуглеродного датирования и анализа погребальных традиций дополняют друг друга. В совокупности они позволяют сделать вывод о существовании устойчивых исламских погребальных практик в определенном сообществе [24]. При этом необходимо различать нормы погребения, которые можно установить по археологическим материалам, и личные религиозные убеждения отдельных людей. Археология позволяет изучать коллективные практики, но не дает возможности часто определить внутренние убеждения каждого человека.

Археологические памятники Казахстана отражают религиозные практики, складывавшиеся в различных исторических условиях и имевшие разные материальные формы. При этом развитие религиозной культуры не следует представлять как полную и одновременную замену одной религии другой. На одной территории могут находиться памятники разных периодов, а поздние сообщества могли придавать ранее существовавшим местам новые значения.

В исследованиях Бетпакдалы древние петроглифы, погребальные сооружения и мавзолеи более позднего времени рассматриваются в рамках единого сакрального ландшафта [19]. Эти материалы свидетельствуют о сложной истории использования территории, но расположение памятника разных эпох в одном пространстве не доказывает непрерывного существования одной

и той же религиозной практики. Для обоснования исторической преемственности нужны дополнительные данные о промежуточных периодах, повторном использовании памятников и передаче ритуальных традиций между поколениями.

Такая же осторожность необходима при изучении исламизации. Архитектурные и погребальные материалы позволяют исследовать появление и распространение исламских норм, однако этот процесс происходил в разных регионах неодинаково и не был одновременным. Археология помогает установить особенности и датировку погребального обряда, тогда как причины принятия ислама, индивидуальные убеждения и степень усвоения новых традиций требуют привлечения других источников.

Сравнительный анализ религиозного сознания и идентичности

Сравнительные теории помогают выявлять вопросы, значимые для изучения разных культур: отношение общества к смерти, сохранение памяти о предках в пространстве, роль обрядов в обозначении перехода между жизненными этапами и значение коллективных действий для формирования принадлежности к сообществу. Однако сходство исследовательских вопросов не означает тождество религиозных представлений разных обществ. Каждая местная традиция формировалась в конкретных исторических условиях и имела собственное содержание, поэтому ее нельзя объяснять исключительно через заранее заданные универсальные модели.

Общие закономерности целесообразно использовать как ограниченную основу сравнительного анализа. На общем уровне рассматриваются отношение к смерти, использование символов, выполнение ритуалов и сохранение коллективной памяти. Локальная специфика раскрывается через датировку памятников, материальный контекст, значение символов, выполнение ритуалов и сохранение коллективной памяти. Локальная специфика раскрывается через датировку памятников, материальный контекст, значение символов, социальную организацию и историю использования конкретных мест. Сочетание этих уровней позволяет сопоставлять археологические объекты, не игнорируя их историческую специфику.

Религия не ограничивается системой верований и учений. Она проявляется в погребальных и поминальных обрядах, использовании ландшафта, обращении с предметами и человеческим телом, коллективных ритуалах и формировании социальных границ. Исследование материальных и практических форм помогает понять, как люди прошлого осмысливали смерть и неопределенность, связывал свою жизнь с памятью о предках и формировали представления о принадлежности к определенному сообществу.

Религиозное сознание следует рассматривать не как явление, которое можно непосредственно обнаружить в археологическом материале, а как предмет научной реконструкции. Оно не сводится к символическому мышлению и включает практические знания, телесный опыт, память, эмоции и участие в общественной жизни. Археологические источники чаще позволяют исследовать коллективные практики, оставившие материальные следы; индивидуальные психологическое состояние и внутренние убеждения конкретного человека остаются за пределами того, что можно достоверно установить только по археологическим данным.

Поэтому понятие «эволюция» в контексте религиозного сознания следует понимать не как линейное движение от простых форм к сложным, а как совокупность исторических изменений и преобразований. Религиозная идентичность формируется и меняется под влиянием местных обрядов, коллективной памяти, новых религиозных институтов и переосмысления ранее известных мест. Такой подход позволяет анализировать длительные изменения религиозной культуры, не предполагая непрерывной преемственности там, где она не подтверждается археологическими и другими историческими данными.

Заключение

При археологическом изучении религиозной культуры и религиозного сознания важно различать материальные свидетельства, действия, которые можно восстановить на их основе, и интерпретации исследователя. Археологические памятники позволяют изучать обряды, особенностииспользования пространства, символы и коллективную память прошлых обществ. Однако они не

дают возможности напрямую определить личные религиозные убеждения людей, живших в прошлом. Поэтому чем шире исследовательский вывод, например переход от отдельного погребального обряда к представлениям о целостном мировоззрении или непрерывности религиозной традиции, тем больше необходимо независимых и разнообразных источников для его подтверждения.

Классические теории Э.Б. Тайлора, Дж. Фрэзера и Э. Дюркгейма занимают важное место в истории изучения религии. Вместе с тем при использовании их идей для объяснения археологических материалов необходимо учитывать ограничения этих подходов. Когнитивная археология обращает внимание на проблему перехода от материальных предметов к выводам о мышлении человека. М. Элиаде предлагает теоретические понятия для изучения сакрального пространства и времени, а подход М. Фуко помогает понять, как исторически формировались знания, научные понятия и способы классификации. Археология материальной религии объединяет эти исследовательские направления, рассматривая религиозные явления через предметы, телесные действия, обряды и организацию пространства.

Археологические материалы Казахстана показывают разнообразие погребальных традиций, мемориальных обрядов и способов использования сакрального пространства. Они также позволяют проследить изменения, связанные с распространением ислама. Однако эти процессы нельзя представлять как простую и последовательную замену одной религии другой. Они включали преобразование местных традиций, повторное использование ранее освоенных пространств и появление новых форм коллективной памяти. Поэтому каждый археологический памятник необходимо рассматривать с учётом его исторического контекста, хронологии и достоверности имеющихся источников.

В целом религиозную культуру и религиозное сознание следует понимать как явления, которые изменяются под влиянием исторических условий. Символическое мышление является важной частью религиозного сознания, но не охватывает его полностью. На него также влияют практический опыт человека, память, эмоции и общественные отношения. Такие общие для разных обществ вопросы, как отношение к смерти, почитание предков, принадлежность к определённой общности и представления о сакральном, в каждой культуре приобретают свои исторические и культурные особенности. Для их изучения необходимо опираться на конкретные археологические и исторические данные.

Таким образом, археология религиозного сознания позволяет исследовать исторические изменения религиозной идентичности человека. При этом понятие «эволюция» следует понимать не как единый путь развития всех обществ от простых форм к сложным, а как совокупность изменений, происходивших в различных исторических условиях. Религиозная идентичность формируется и изменяется под влиянием символов, обрядов,материальной культуры и социальных отношений. Следовательно, археологическое изучение религиозной культуры помогает лучше понять духовную жизнь прошлых обществ и одновременно показывает, насколько важно подтверждать выводы об исторической преемственности конкретными источниками.

Финансирование

Данная статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR31714927 «Множественные идентичности и общественный консенсус в социетальных контекстах казахстанской динамики: поиск моделей гражданского единства в условиях гибридных вызовов».

Список литературы

1 Фуко, М. (2008). *Археология знания* (*L'archéologie du savoir*). Gallimard. https://doi.org/10.14375/NP.9782070119875

2 Тайлор, Э. Б. (1974). *Первобытная культура: Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев*.

3 Фрэзер, Дж. (2001). *Золотая ветвь: Исследование магии и религии* (Т. 2: Гл. XL–LXIX; М. Рыклин & И. Утехин, пер.; Б. Малиновский, послесл.). ТЕРРА—Книжный клуб.

4 Frazer, J., & Frazer, R. (1998). *The golden bough: A study in magic and religion: A new abridgement from the second and third editions*.

5 Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* (А. Б. Гофман, пер., сост., послесл. и примеч.). Канон.

6 Renfrew, C., & Zubrow, E. B. W. (Eds.). (1994). *The ancient mind: Elements of cognitive*

archaeology. Cambridge University Press. https://doi.org/10.2307/3034584

7 Wynn, T., & Coolidge, F. L. (2016). Evolutionary cognitive archaeology. In *Oxford handbook of cognitive archaeology*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/ACPROF/9780190204112.003.0001

8 Currie, A., & Killin, A. (2019). From things to thinking: Cognitive archaeology. *Mind & Language*. https://doi.org/10.1111/MILA.12230

9 Lewis-Williams, D. (2002). *The mind in the cave: Consciousness and the origins of art*. Thames & Hudson. https://doi.org/10.5860/choice.40-5281

10 Lewis-Williams, D., & Pearce, D. (2005). *Inside the Neolithic mind: Consciousness, cosmos and the realm of the gods*. Thames & Hudson. https://doi.org/10.5860/choice.43-6622

11 Элиаде, М. (1994). *Священное и мирское* (Н. К. Гарбовский, пер., предисл. и коммент.). Издательство Московского университета.

12 Insoll, T. (2009). Materiality, belief, ritual—Archaeology and material religion: An introduction. *Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief, 5,* 260–264. https://doi.org/10.2752/175183409X12550007729824

13 Fogelin, L. (2007). The archaeology of religious ritual. *Annual Review of Anthropology, 36*, 55–71. https://doi.org/10.1146/ANNUREV.ANTHRO.36.081406.094425

14 Bendezu-Sarmiento, J. (2004). *Archéologie de la mort, nécropoles, gestes funéraires et anthropologie biologique des populations Andronovo et Saka de l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan: IIe et Ier millénaire av. J.-C.*

15 Bendezu-Sarmiento, J., Ismagulova, A., Baipakov, K. M., & Samashev, Z. (2007). *De l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques: Identités culturelles des populations Andronovo et Saka*.

16 Outram, A., Stear, N. A., Kasparov, A., Usmanova, E., Varfolomeev, V., & Evershed, R. (2011). Horses for the dead: Funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan. *Antiquity*. https://doi.org/10.1017/S0003598X00067478

17 Lepetz, S. (2013). Horse sacrifice in a Pazyryk Culture kurgan: The princely tomb of Berel' (Kazakhstan). Selection criteria and slaughter procedures. *Anthropozoologica*. https://doi.org/10.5252/az2013n2a9

18 Galimzhanov, S., et al. (2018). The archaeological landscapes of Tamgaly and Eshkiolmes sanctuaries: Religious beliefs and cult ceremonies.

19 Бедельбаева, М. В., Новоженов, В. А., & Жусупов, Д. С. (2023). Сакральные ландшафты Бетпакдалы. *Археология Казахстана*. https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33

20 Самашев, З. (2022). Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков. *Археология Казахстана*. https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31

21 Дмитриев, Е. А., & Кукушкин, А. И. (2023). Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана. *Археология Казахстана*. https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135

22 Жунисканов, А., Курмангалиев, А., & Мысыр, О. (2024). Мемориальные памятники ранних и средневековых кочевников археологического комплекса Кокентау [Memorial monuments of early and medieval nomads of the archaeological complex Kokentau]. *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение»*. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-147-2-117-136

23 Нуржанов, А., & Терновая, Г. (2020). К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII веков [To the issue of the distribution and influence of Islam in the cities of the southwestern Zhetysu region in the second half of the 8th–12th centuries]. *Поволжская археология*. https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.99.112

24 Bullion, E., Maksudov, F., Henry, E., Merkle, A., & Frachetti, M. D. (2022). Community practice and religion at an early Islamic cemetery in Highland Central Asia. *Antiquity, 96*, 628–645. https://doi.org/10.15184/aqy.2021.106

25 Кубарев, Г. В., & Нускабай, А. (2023). Раннесредневековые мемориальные ограды Семиречья: Новые данные [Early medieval memorial enclosures in Semirechye: New data]. *Поволжская археология*. https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.72.86

Transliteration

1 Foucault, M. (2008). Arkheologiya znaniya [The archaeology of knowledge]. Gallimard. https://doi.org/10.14375/NP.9782070119875 (In Russian)

2 Tylor, E. B. (1974). Pervobytnaya kul'tura: Issledovaniya razvitiya mifologii, filosofii, religii, iskusstva i obychaev [Primitive culture: Researches into the development of mythology, philosophy, religion, art, and custom]. (In Russian)

3 Frazer, J. G. (2001). Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [The golden bough: A study in magic and religion] (Vol. 2: Chapters XL–LXIX; M. Ryklin & I. Utekhin, Trans.; B. Malinowski, Afterword). TERRA—Knizhnyy klub. (In Russian)

4 Frazer, J. G., & Frazer, R. (1998). The golden bough: A study in magic and religion: A new abridgement from the second and third editions.

5 Durkheim, É. (1995). Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology: Its subject, method, and purpose] (A. B. Gofman, Trans., Comp., Afterword, & Notes). Kanon. (In Russian)

6 Renfrew, C., & Zubrow, E. B. W. (Eds.). (1994). The ancient mind: Elements of cognitive archaeology. Cambridge University Press. https://doi.org/10.2307/3034584

7 Wynn, T., & Coolidge, F. L. (2016). Evolutionary cognitive archaeology. In Oxford handbook of cognitive archaeology. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/ACPROF/9780190204112.003.0001

8 Currie, A., & Killin, A. (2019). From things to thinking: Cognitive archaeology. Mind & Language. https://doi.org/10.1111/MILA.12230

9 Lewis-Williams, D. (2002). The mind in the cave: Consciousness and the origins of art. Thames & Hudson. https://doi.org/10.5860/choice.40-5281

10 Lewis-Williams, D., & Pearce, D. (2005). Inside the Neolithic mind: Consciousness, cosmos and the realm of the gods. Thames & Hudson. https://doi.org/10.5860/choice.43-6622

11 Eliade, M. (1994). Svyashchennoe i mirskoe [The sacred and the profane] (N. K. Garbovskiy, Trans., Preface, & Commentary). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

12 Insoll, T. (2009). Materiality, belief, ritual—Archaeology and material religion: An introduction. Material Religion: The Journal of Objects, Art and

Belief, 5, 260–264. https://doi.org/10.2752/175183409X12550007729824

13 Fogelin, L. (2007). The archaeology of religious ritual. Annual Review of Anthropology, 36, 55–71. https://doi.org/10.1146/ANNUREV.ANTHRO.36.081406.094425

14 Bendezu-Sarmiento, J. (2004). Archéologie de la mort, nécropoles, gestes funéraires et anthropologie biologique des populations Andronovo et Saka de l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan: IIe et Ier millénaire av. J.-C.

15 Bendezu-Sarmiento, J., Ismagulova, A., Baipakov, K. M., & Samashev, Z. (2007). De l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques: Identités culturelles des populations Andronovo et Saka.

16 Outram, A., Stear, N. A., Kasparov, A., Usmanova, E., Varfolomeev, V., & Evershed, R. (2011). Horses for the dead: Funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan. Antiquity. https://doi.org/10.1017/S0003598X00067478

17 Lepetz, S. (2013). Horse sacrifice in a Pazyryk Culture kurgan: The princely tomb of Berel' (Kazakhstan). Selection criteria and slaughter procedures. Anthropozoologica. https://doi.org/10.5252/az2013n2a9

18 Galimzhanov, S., et al. (2018). The archaeological landscapes of Tamgaly and Eshkiolmes sanctuaries: Religious beliefs and cult ceremonies.

19 Bedel'baeva, M. V., Novozhenov, V. A., & Zhusupov, D. S. (2023). Sakral'nye landshafty Betpakdaly [Sacred landscapes of Betpakdala]. Arkheologiya Kazakhstana. https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33 (In Russian)

20 Samashev, Z. (2022). Ob odnom pogrebal'no-pominal'nom obryade u rannikh sakov [On a funerary and commemorative rite among the early Saka]. Arkheologiya Kazakhstana. https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31 (In Russian)

21 Dmitriev, E. A., & Kukushkin, A. I. (2023). Tyurkskiy kenotaf iz Tsentral'nogo Kazakhstana [A Turkic cenotaph from Central Kazakhstan]. Arkheologiya Kazakhstana. https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135 (In Russian)

22 Zhuniskanov, A., Kurmangaliev, A., & Mysyr, O. (2024). Memorial'nye pamyatniki rannikh i srednevekovykh kochevnikov arkheologicheskogo kompleksa Kokentau [Memorial monuments of early and medieval nomads of the archaeological complex Kokentau]. Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya "Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie". https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-147-2-117-136 (In Russian)

23 Nurzhanov, A., & Ternovaya, G. (2020). K voprosu o rasprostranenii i vliyanii islama v gorodakh yugo-zapadnogo Zhetysu vo vtoroy polovine VIII–XII vekov [On the spread and influence of Islam in the cities of southwestern Zhetysu in the second half of the 8th–12th centuries]. Povolzhskaya arkheologiya. https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.99.112 (In Russian)

24 Bullion, E., Maksudov, F., Henry, E., Merkle, A., & Frachetti, M. D. (2022). Community practice and religion at an early Islamic cemetery in Highland Central Asia. Antiquity, 96, 628–645. https://doi.org/10.15184/aqy.2021.106

25 Kubarev, G. V., & Nuskabay, A. (2023). Rannesrednevekovye memorial'nye ogrady Semirech'ya: Novye dannye [Early medieval memorial enclosures in Semirechye: New data]. Povolzhskaya arkheologiya. https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.72.86 (In Russian)

Вклад авторов

Сейтахметова Н.Л. – разработка концепции и методологической основы исследования, анализ научной литературы и формулирование основных научных положений статьи. **Есенбаева Д.А.** – систематизация научных материалов, формулировании выводов, подготовка и редактирование текста статьи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Львовна Сейтахметова	главный научный сотрудник, профессор, доктор философских наук, академик НАН РК, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан, email: natalieseyt@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-6297-7317
Дильфуза Аманкелдиевна Есенбаева	PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби. Алматы, Казахстан, email: dilfuza_94_24@mail.ru, ORCID ID: 0009-0001-1210-3328
Наталья Львовна Сейтахметова	бас ғылыми қызметкер, профессор, философия ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан, email: natalieseyt@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-6297-7317
Дильфуза Аманкелдиевна Есенбаева	PhD докторант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. Алматы, Қазақстан, email: dilfuza_94_24@mail.ru, ORCID ID: 0009-0001-1210-3328
Natalya Seitakhmetova	Chief Researcher, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan, email: natalieseyt@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-6297-7317
Dilfuza Yessenbayeva	PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, email: dilfuza_94_24@mail.ru, ORCID ID: 0009-0001-1210-3328